

ОБРАЗЫ МОДЕРНИЗАЦИИ: О ТВОРЧЕСТВЕ СОСЛАНА (ВАНО) ТЕМИРХАНОВА

С.А. Айларова

Статья является первым опытом анализа интеллектуального наследия осетинского просветителя Сослана (Вано) Темирханова (1881-1925 гг.), включающее разножанровые произведения – рассказы, стихи, эссе, фольклорные и этнографические публикации, исторический труд «Иры истори». Исследуется важный аспект его творчества – воззрения на роль труда и хозяйственного созидания для успешного развития пореформенной Осетии. Эту проблему просветитель рассматривает сквозь призму тысячелетней этнической истории, полной войн, миграций, демографических катастроф. Блестящее начало осетинской культурной истории – культура эпохи конца бронзового и начала железного века (кобанская археологическая культура) – продемонстрировала совершенство и красоту форм. Причина такого культурного взлета – культ труда, характерный для древнеиранской мифологии и культуры вообще. Приход на Северный Кавказ ираноязычных nomadов – скифов, сарматов, алан (второго компонента осетинского этногенеза) – повел к изменению культуры, где стали превалировать воинские ценности и добродетели. Залогом успеха модернизации Осетии, по мнению С. Темирханова, должна стать актуализация в общественном сознании Осетии той части древней мифологии, которая несет культ труда и хозяйственного творчества – эпических сказаний, «побуждающих к прогрессу». Необходимо отметить попытку автора выстроить целостную историю Осетии, связав воедино различные компоненты этногенеза, подчеркнуть глубину исторической перспективы осетинского этноса. Оригинальной является опора на мифологию в осмыслении исторического процесса. Творческое наследие просветителя подчинено решению основных проблем модернизации Осетии начала XX в. – обретение народом исторического самосознания и становление новой экономической реальности, опирающейся на духовно-культурную ценность труда и хозяйственного созидания.

Ключевые слова: осетинская интеллигенция, Сослан (Вано) Темирханов, Иры истори, мифология, Прометей, этика труда.

Главным лейтмотивом общественной мысли народов Северного Кавказа XIX в. было стремление к модернизации северокавказских обществ, всестороннему обновлению всех сторон жизни традиционного горского социума. Эта устремленность сосредоточила просветительскую мысль на теме судьбы Северного Кавказа в составе России, его культурно-цивилизационном и хозяйственно-экономическом развитии. В творческом наследии северокавказских просветителей XIX в. совершенно особое место занимает проблема формирования современной экономической культуры у гор-

ских народов, воспитания культа труда, духовно-культурной ценности хозяйственного творчества [1]. И в первые десятилетия XX в. в интеллектуальном пространстве региона развивается та же тема: модернизационные преобразования социально-экономических основ жизни народов Северного Кавказа предполагают адекватный требованиям времени хозяйственный уклад, новую ментальность, в рамках которой труд как социальная ценность будет занимать не менее высокое положение, нежели приоритетные для горцев воинские добродетели. Эта тема обретает новые аспекты и

ракурсы, реализуется в анализе горской экономики начала XX в., дополняется практической хозяйственной деятельностью просветителей (например, в области кооперации). И наконец, делаются попытки увидеть истоки проблемы в тысячелетней истории народа, в самой ткани историко-культурного процесса, этнической духовной традиции.

Речь пойдет о творчестве осетинского просветителя Сослана Темирханова (писавшего под псевдонимом «Вано») и прежде всего его историческом труде «Иры истори» (1913 г.). Наследие просветителя достаточно обширно и разнопланово. Здесь рассказы, стихи, эссе, этнографические и фольклорные публикации, исторические исследования и легенды. Большая часть – на осетинском языке, но есть тексты и на русском. Таков, в частности, историко-культурологический очерк «Осетины», являющийся кратким, «сжатым» изложением основных положений «Иры истори», и, видимо, написанный тогда же, хотя датирован более поздним временем (1920 г.).

Все его наследие собрано, обработано и опубликовано Т.Н. Согутоновой [2]. Предисловие знакомит с творчеством самобытного осетинского писателя, мыслителя и историка, содержит ценные факты о его недолгой жизни и трагической судьбе.

В советское время творчество просветителя не изучалось, были даже жесткие политические обвинения (см.: [3]). Вердикт советской историографии звучал бескомпромиссно: труд «Иры истори» «не носит исследовательского характера», «привлекаемые источники автором использованы не критически, а подчас и тенденциозно, с целью обоснования превосходства предков осетин – скифов и сарматов над другими древними народами». И самое главное – «Темирханов идеализирует внутреннюю жизнь алан-осетин; он не видит в ней социальных про-

тиворечий и классовой борьбы [4, 91]. В постсоветские годы появился интерес к творчеству осетинского историка [5; 6; 7; 8], но все ограничилось общеоценочными суждениями о значимости его трудов. Подлинное изучение и анализ интеллектуального наследия Сослана Темирханова, по-видимому, впереди. Мы же ограничимся освещением определенного аспекта его работ.

Сослан Темирханов родился 2 апреля 1881 г. и был старшим ребенком в крепкой, зажиточной крестьянской семье. Получив неплохое домашнее образование, окончил затем реальное училище. В 1904 г. он – выпускник Тифлисского юнкерского училища. Затем последовало участие в разных военных кампаниях: русско-японской войне 1904-1905 гг., Первой мировой войне, по окончании которой С. Темирханов имел звание подполковника и заслуженные награды. В советское время обратился к любимым им гуманитарным штудиям, собирал этнографические и фольклорные материалы, преподавал, публиковался во владикавказских изданиях. Как бывший царский офицер, был репрессирован в 1925 г.

Несмотря на разножанровость, есть в творчестве Сослана Темирханова некие сквозные, постоянные темы. Одной из них является тема труда, его результатов и земных плодов, пиетет народа к труду в культуре, повседневной жизни, истории. Таково эссе «Фаллой» («Труд») – настоящий гимн труду, все оживляющему, укрепляющему, украшающему землю. *«Фаллой у аедамаен царды фадат, аенахъуаг амае фидауц цард чи дæтты. Адаем сау магуыр цардаей фаллойы фæрцы фервæзыни, расугъд амае уаздан цард фаллойы фæрцы ссарыни... Фаллой кæм не рцæуа аeward, уыцы хæзна нæу фылдæр хатт адаймаджи цардаен пайда»* [2, 82-83]. – «Труд – это условие жизни, то, что делает жизнь счастливой и достойной. Люди спасаются трудом от бедности, строят

красивую и достойную жизнь... Там, где труд не поставлен на должную высоту, не уважается, там никакие приобретенные богатства не принесут жизни народа никакой пользы» (здесь и далее перевод наш. – С.А.).

Труд просвещенных наций, опирающийся на передовые сельскохозяйственные и промышленные технологии, преобразил страны Европы. Производительность труда хлебороба, скотовода повысилась в десятки раз благодаря умелому орошению, применению удобрений, селекции. Продукция заводов, фабрик изменила облик городов, сел, сделала жизнь комфортной, удобной; наладилась связь и сообщение между странами и материками. И все это в связи с бережным отношением к природе, природосберегающими технологиями. Отметив все эти впечатляющие успехи труда, изменившего мир на половине планеты, Темирханов пишет о ситуации с этой проблемой в осетинском обществе: *«Ахургонд адæмыл мах дæр нæхи бæргæ нымайæм, ахуырады суадонæй бæргæ нуазæм, фæлæ фыдæлтæ заманы куыд цыбыр уыди нæ фæллой, афтæ цыбыр у ныр дæр ма: фос æмæ хоры куыст йеддæмæ ныцы уæлдай куыст зонæм, фæлæ уыцы дыууæ куысты дæр хæрз бæлвырд нæ кæнам, нæ бæсты хорз бæлвырд куыстай цы халсар исыны фадат ис, уый дæсæм хай дæр нæ исæм, æмæ алцæмæй хъуаг кæнгæйæ кæнæм магуыр цард, стæм цыбыркъух»* [2, 84]. – «Мы считаем себя просвещенным народом, вроде пьем из источника наук и просвещения, но как и во времена наших предков, так и сейчас убог наш труд; кроме скотоводства и земледелия никаких других занятий не знаем, но и в эти два труда не вкладываем усердия; тот урожай, что мы могли бы получать от земли при более усовершенствованном труде – не получаем и десятой доли, отсюда и живем бедно, беспомощно» (перевод наш).

Труд в его материальном и духовном измерении и проявлении в настоящем и прошлом Осетии – главная тема творчества Сослана Темирханова. В этом отношении интересны историческое исследование «Иры истори» и очерк «Осетины». Этническая история осетин (согласно концепции автора) начинается с древнего народа «ир», населявшего свыше 7 тыс. лет назад плоскогорье Ирана. Древние иранцы испытывали нехватку земли и воды, что и привело к масштабным миграциям, в результате которых иранские племена освоили территорию Месопотамии, а затем, теснимые семитскими народами, дошли на юге до Индийского полуострова, а на северо-западе – до Кавказа, и далее расселились в Восточной, Центральной и Северной Европе. На территории Центрального Кавказа, в его северной и южной части, древние иранцы в XIV-IV вв. до н.э., на рубеже эпохи бронзы и железа, сформировали культурно-историческую общность, создавшую культуру выдающегося художественного совершенства, оригинальности и красоты.

Наука и XIX и XX вв. указывала на широкие ареальные связи и стилистические параллели этой так называемой кобанской культуры с бронзовыми культурами Луристана, Иранского Курдистана, а также европейскими центрами бронзовой металлургии (Австрия, Богемия, Бавария) [9; 10; 11, 342, 344-345]. Археологи, исследовавшие кобанские могильники, утверждают ираноязычность кобанских насельников Кавказа [12; 13; 14]. Отметим и зафиксированную широту языковых и культурных связей осетинского («скифского») языка с древними европейскими языками в так называемый доисторический период [15].

Как начало осетинской культурной истории, кобанские археологические находки демонстрировали такое совершенство и тонкость отделки металлических

вещей, изысканность и самобытность металлопластики, что естественно было предположить в ее основе устойчивый хозяйственный уклад, давние металлургические традиции, развитую духовную культуру. И Темирханов ищет разгадку в богатстве духовной культуры кобанцев (народа «ир»), прежде всего в мифологии, которую унаследовала осетинская культура. Отметив, что мифология «является не серией абсурдных басен, но великой поэмой, в которой народ выразил свои переживания и верования с отдаленных времен, в которой дух нации выражается лучше, чем в самой точной истории» [2, 136], Темирханов пытается обозначить основной круг тем, героев и нравственных требований мифологии. «Осетинская мифология по богатству и разнообразию не уступает греческой и германской. Дух добра и разума, мужества и трудолюбия, живой мысли и скромности, рыцарства и самопожертвования проникает в осетинскую мифологию: она учит мудрости и будит в сердцах ту божественную искру, которая вдохновляет человека и дает ему мужество и силы безбоязненно бороться со злом и враждебными стихиями» [2, 136]. Стойкость и решительность, достоинство и воля – вот качества, которые поддерживает духовный опыт предков. «Эта мифология – прекрасное создание осетинского духа и дает в живых образах законы нравственности: в ней красной нитью проводится та мысль, что человеку везде и всюду предстоит много бед, с которыми необходимо бороться и ни в коем случае не унывать, что мужество и безбоязненность смерти есть то божественное начало, которое возвышает людей и украшает жизнь, что не надо давать волю злодеям, грабителям и развратникам, дабы зло и скотство не торжествовали на земле, что уважение человеческого достоинства и взаимопомощь наилучшие гарантии общности» [2, 136].

Эта нравственная философия, по мнению Темирханова, свойственна наиболее древнему пласту осетинской мифологии. Более поздние сказания, послужившие основой героического эпоса, во многом несут другие нравственные послылы. «Осетинские сказания... в первой фазе своих повествований говорят о героях ума, мудрость и благородство которых восхищает нас, во второй же, позднейшей фазе – повествуется о героях грубой физической силы, творящих насилие и сеющих зло» [2, 136]. И автор делает вывод: «Ясно, что осетины когда-то обладали высокой умственной культурой, которую впоследствии утратили» [2, 136]. Мифология обладает огромной мобилизующей, вдохновляющей силой, выступает ментальной матрицей преобразований в духовной и социально-экономической сфере. «Мы знаем, что умственная и материальная культура следуют рука в руку, и потому не подлежит сомнению, что в период умственного прогресса у осетин высоко стояла и материальная культура; и действительно, о том свидетельствуют найденные в древних могильниках осетин предметы осетинской культуры эпохи бронзового и начала железного века, а также древнейшие замки и сооружения и древние рудники» [2, 137].

Блестящее начало осетинской культуры стало и ее недостижимой вершиной – «наивысший расцвет осетинской культуры относится к доисторическим временам, к эпохе бронзового и начала железного века, о которой... повествуется в первой фазе осетинских сказаний» [2, 137].

Говоря о первой фазе осетинских сказаний, Темирханов, очевидно, имеет в виду архаический эпос «Царциата», где действуют культурные герои. Культурные герои – древнейшие персонажи мифологии, являющиеся «обобщением трудового опыта», а сами мифы о культурных героях – «идеализацией» и «по-

этизацией творческих возможностей человека» [16, 214]. Исследователь эпоса «Царциата» Ф.М. Таказов отмечает, что каждый персонаж эпических сказаний выступает как архетип культурного героя. Так, герой эпоса Царддзо добывает готовые блага природы, изготавливает первое оружие и крадет для людей у небожителей огонь. Подобно греческому Прометею, он наказан за свой поступок. В свою очередь, его сыновья становятся родоначальниками скотоводства и земледелия, устанавливают общественные правила и законы [17, 172].

Богатство осетинских сказаний о культурных героях унаследовано, по мнению Темирханова, у древних иранцев, отличавшихся развитой мифологией. Эта мифология, проникнутая пафосом покорения природы, подчинения ее человеку, культом труда, и была основой культурного взлета народа «ир» в период бытования кобанской археологической культуры, определила ее глубоко оригинальный характер. «Оружие и утварь осетинской культуры эпохи бронзового и начала железного века несут самобытный отпечаток, что указывает на то, что осетинская культура той эпохи создана творчеством самих осетин, без заимствований со стороны, исключительно под влиянием своей мифологии, побуждавшей их к прогрессу» [2, 137].

Вдохновляющую силу и культуросозидающий характер иранской мифологии просветитель иллюстрирует на примере мифа о Прометее – древнеиранском мифе, обретшем совершенно исключительную судьбу на европейской почве. Как элемент древнего иранского наследия в Европе¹, миф о Прометее – составная часть греческих преданий о титанах, богах, предшествовавших богам-олимпийцам. В мифах о титанах отложилась память о народе, проживавшем в древности на территории будущей Эллады. Боги-титаны, согласно греческой мифоло-

гии, «дали народу новые орудия и они научили его новым способам труда, за что боги их низвергли и погубили» [2, 143]. В кругу этих титанических героев-демиургов образ Прометея выделяется мощью и богатством смыслового наполнения.

Прометей – символ культурной динамики Европы, научно-технического прогресса, свободы и просвещения, в целом культуры Модерна, нацеленной на покорение природы, преобразование мира традиции, неизменного социального порядка. Это и символ мужественного стоицизма, нестигаемости, ответственной творческой силы, жертвенности, мобилизованности. С античных времен образ Прометея был популярен в мировой литературе, в культуре вообще (от Эсхила и Гесиода до Гете и Шелли) [19]. Но подлинное величие фигура Прометея обретает с началом европейской модернизации. До этого для осмысления культурных процессов было достаточно библейских образов.

Немецкий философ Г.Г. Гадамер писал о важном значении мифа о Прометее для истории европейской ментальности. «Ибо в этом мифе, – по мнению философа, – с ранних времен западное человечество несомненно истолковывало самого себя в своем культурном самосознании. Он как бы миф европейской судьбы. Рассказать историю его истолкования – значит поэтому рассказать саму историю европейского человечества» [20, 242]. И далее Гадамер приводит слова Ф. Ницше, сравнивавшего миф о Прометее с библейским мифом о грехопадении. «Оба сказания выводят тягостную участь человеческой жизни из провинности, семитское предание (пользуясь характеристикой Ницше) – из любопытства, лживого обмана, соблазна, сладострастия – словом, из ступки преимущественно женственных аффектов; арийский образ мысли, выразившийся в мифе о Прометее, напротив, наделяет проступок достоинством и от-

личается “возвышенным взглядом на деятельное прегрешение как на подлинно прометеевскую добродетель”. Последнее как раз и делает миф о Прометее поистине мифом нашей культуры. Он рассматривает удел человеческой жизни не как проклятие и наказание за грехопадение, но как оплаченное страданием самостоятельное человека, который в неустанный труд строит свой мир. Он указывает в мифической форме на трагедию культуры» [20, 243].

Для Темирханова миф о Прометее – прежде всего миф осетинской судьбы. Народ, обладавший животворящей мифологией, но находившийся в состоянии бесконечных войн и походов, демонстрировал на протяжении столетий, подобно Прометею, невероятную способность возрождаться, начинать новый этап развития и даже процветать. Волны миграций на Кавказ ираноязычных народов – скифов, сарматов, алан – усложнили этнический состав народа «ир», во многом изменили культуру. Мощный иранский этнический массив, куда влился и народ «ир», занял огромные пространства от Дона, Кавказа и до берегов Дуная, и переживал с IV в. до н.э. и до II в. н.э. «могучий расцвет», проявившийся и в создании яркой культуры. Темирханов указывает на «курганные памятники этого расцвета... роскошные золотые уборы и сосуды, великолепное оружие, украшенное золотом, чудесные пурпурные ткани, роскошные золоченные токарные и резные саркофаги, единственные в своем роде, и представляющие чудеса токарной техники и столярного искусства» [2, 146]. «Все это греческие произведения, но уже одно то, что иранцы-осетины приобретали их, говорит об их эстетическом вкусе и высоком благосостоянии той эпохи» [2, 147].

Будучи военными пассионариями, сарматы и аланы также занимались и хозяйством, скотоводством, земледелием,

ремеслами. «*Фæла сæ хъазуатæй æнæ банцайгæйæ хæстæй не ‘вдалд кустмæ, æмæ фæллоуæ нæ, фæла æхсарæй агуырды хæзнатæ*» [2, 132]. – «Но из-за постоянных войн у них не доходили руки до настоящего труда, поэтому они искали богатств не от хозяйственной деятельности и созидательных трудов, а от ратных дел».

Трагическая история постоянной военной напряженности предопределила постепенную деградацию этноса и его культуры. И не случайно Темирханов большинство глав своего труда «Иры истори» называет по именам грозных врагов сармат и алан, которым они в разные времена противостояли: «*македойнагты дуг*» («македонская эпоха»), «*ромагты дуг*» («римская эпоха»), «*гунны дуг*» («гуннская эпоха»), «*хазары æмæ арабы дуг*» («хазарская и арабская эпохи»), «*монголы дуг*» («монгольское время») и т.д. «*Ахæм цардаей культура дæлаемæ йæдæмæ уæлаемæ нæ цауы, адамыл хъару не ‘фты. Афтамæй æнæбанцайгæ хæстæй асасты иры хъару, æмæ сыл се знагтæ уæлахиз фесты, сæ сойзæхх быдыртæй сæ алырдæм пырхæнгæ афсарстой. Æрмæст ма сæ хахтам чи баирвæсти, уыдон фæрцы баззады иры мыггаг. Хæхты фыдæбонæй малгайæ ир магуырмæ цыдысты æмæ æнæзынга, талынг адæм ныйисты*» [2, 132]. – «Таким образом, от постоянных войн истощились осетины, одолели их враги, погнало их во все стороны с их плодородных земель. Только те, кто скрылся в горах, сохранились как народ «ир». В горах, надрываясь от тяжелого труда, осетины обеднели и превратились в незначительный, темный народ». Блестящая, совершенная культура народа «ир» исчезла, деградировала, но как Прометей, он был способен к возрождению.

Просветитель подчеркивает кавказские корни мифа о Прометее, указывая, что греческая мифология свидетельству-

ет, что титан родом с Кавказа, и «конец его тоже на Кавказских горах». *«Иры тыххæй фæсномыг ныхасæй таурæгъ саразæг уыдис арф кæсæг, дардмæ уынаг, йæ цыргъ зондæй бамбæрста иры уды фæд æмæ нæ фæрæдыди...»* [2, 133]. – «Этот миф об осетинах глубок, дальновиден, ясно понял народную душу и не ошибся...» Темирханов пишет о главных чертах этого мифа, реализовавшихся в истории предков осетин: *«Ир удыхъæдæй ацæгдæр кæй сты, уый бæрæг у сæ историйæ дæр: бира хæтттыты былгæрон лаууыдысты ир, сæфынмæ сæ-иу бира нал хъуыд, сæ хъæдгæмттæй-иу калди туг, фæлæ-иу сæхи дæлæмæ не 'руагътой, сæ ныфс-иу нæ асасты, æмæ-иу бæллæх куы аивгъуыдта, уæд-иу зæрдæргъæвдæй сæ цард фæхуыздæрыл архайдтой ногæй. Ам сыхаг хæххон адæмтæн цы никæд бантысты, – хохæй быдырма арф айгæрдын, – дугæй дугмæ ирæн уый уымæн æнтысты»* [2,133]. – «То, что осетины обладают бесстрашием и стойкостью, свидетельствует их история: много раз народ “ир” был на краю пропасти, оставалось немного, чтобы пропасть окончательно; они проливали кровь, но не покорялись, их решимость не ослабевала, и как только опасность ослабевала, они принимались строить новую жизнь. То, что никогда не удавалось другим соседним народам – спуститься с гор на равнину – из века в век удавалось осетинам».

Но тысячелетия постоянной военной опасности не прошли бесследно – *«... хæхты уæвгæйæ, сæ бæрзонд рухсхæссаг культурайæ афтидæй баззæдышты æмæ афтæмæй талынгзонд, мæгуыр адæмæй рацыдысты быдырма; фæллойма дæр сæхи уæлдай уымæн нæ сыздæхтой æмæ хæзнатæ æхсарæй уымæн агуырдытой; стæй сæ æнæбанцайгæ хæстæй сæ культурамæ базилын нал равдæлды, æмæ цардфидæуцæнæг культура уый тыххæй нал сæвзæрд сæ къухæй»* [2, 133]. – «...будучи в горах, свою высокую светоносную

культуру они не сохранили, и вот такими темными, бедными вышли на равнину; к созидательному труду не воспылали особой любовью и искали богатства военной доблестью; из-за непрекращающихся войн они мало занимались культурой, поэтому такая блестящая, украшающая жизнь культура больше не была ими создана».

В связи с вхождением Осетии в состав Российского государства, освоением равнинных земель, модернизационными реформами, ситуация изменилась. *«Фæлæ мæнæ ныр, фондзыссæдз азы хъазуатæй куы сулæфыдысты, хæхтæй быдырма се 'рдаг куы рацыди, фæллоу кæнын амал сын разынди, уæд ногæй сæхиул схæцыни, азмæлын сæ цы нæ уадзы, уыцы рæхыстæ (талингдзинад, мæгуырджинад, цагъарджинад) фæтаныни, ахуырджинадæй рухс фæндагыл слæууыни, разæйдзог дзыллæты сæййафыни. Афтæмæй ныртæккæ дæр æвдисыни, сæ удыхъæд, сæ зонды конд, размæтындзæг, рухсагураг кæй сты»* [2,134]. – «И сейчас, когда осетины вздохнули от многолетних войн, когда половина населения Осетии выселились с гор на равнину, появились все возможности для труда и созидания – народ воспрянул, и стало очевидно, что не дает Осетии развиваться; эти цепи (неграмотность, бедность, социальное неравенство) будут разорваны, благодаря образованию появится возможность догнать передовые народы. Осетины и сейчас демонстрируют свою стойкость, свое стремление к развитию, просвещению».

И залогом успеха модернизации может стать актуализация в общественном сознании Осетии бесценного традиционного наследия – мифологии, «побуждающей к прогрессу» (*«рухсма тындзынгæнæг таурагъта æмæ кадджытæ»*).

Безусловно, Сослан Темирханов – историк-любитель, и его исторические исследования носят скорее популярно-затворский характер, но надо отметить

попытку выстроить целостную историю Осетии, связав воедино различные компоненты этногенеза, этнической истории, подчеркнуть глубину исторической перспективы осетинского этноса. Источниковая база его работ достаточно обширна и отражает уровень исторического кавказоведения того времени. Оригинальной является и опора на мифологию и мифологические образы в осмыслении исторического процесса. Не случайно С. Темирханов посвятил свой исторический труд выдающемуся российскому уче-

ному-мифологу Всеволоду Федоровичу Миллеру, чья работа о кавказском Прометее была, конечно, известна осетинскому историку [21].

Но главное, все его интеллектуальное творчество было подчинено решению основных проблем развития Осетии начала XX в.: обретению народом исторического самосознания и становлению новой экономической реальности, опирающейся на духовно-культурную ценность труда и хозяйственного созидания.

Примечание:

1. Есть основание согласиться с ученым, свидетельствующим об «индоиранских истоках мотива добывания (похищения) огня» [18, 110].

1. Айларова С.А., Тебиева Л.Т. Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей (кон. 18–19 вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 296 с.

2. *Темирханты Сослан*. Иры истори. Радзыртæ, таурæгътæ, аргъæутæ, зарджытæ, очерктæ, фыстæджытæ / Сост., предисл. Т.Н. Сагутоновой. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 1994. 166 ф. (на осет. яз.)

3. *Кокиев Г.* Об одной фашистской фальсификации истории осетин // Исторический журнал. 1944. №2-3. С. 43-47.

4. *Тотоев М.С.* Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале 20 в. Орджоникидзе: Ир, 1968. 288 с.

5. *Калоев Б.А.* Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1995. 245 с.

6. *Фидарова Р.Я.* Этническое мировоззрение осетин (Ирондзинад). Генезис. Структура. Этапы развития. В 4-х кн. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2014. Кн. 3. 398 с.

7. *Кочиева Д.А.* Ключевое слово «Хуыцау» в семантике осетинских паремий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3. С. 57-64.

8. *Томаев Ш.* Свой труд посвятил Миллеру // Северная Осетия. 2 марта 2018 г.

9. *Филимонов Г.Д.* О доисторической культуре в Осетии. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К., 1878. 8 с.

10. *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К. 1900. Вып. 8. 381 с.

11. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 532 с.

12. *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 239 с.

13. Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. 512 с.
14. Дударев С.Л., Савенко С.Н. К историографии феномена «кобанская культура» // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 67-84.
15. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы: на стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. 168 с.
16. Касумова Ф. Сущность и функции культурного героя-демиурга в мифологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2012. Т. 25(64). № 3. Ч. I. С. 214-218.
17. Таказов Ф.М. Мифологические архетипы модели мира в осетинской космогонии. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ РАН, 2014. 210 с.
18. Дзиццойты Ю.А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал: Полигр. произ. объедин-ие, 2003. 224 с.
19. Лосев А.Ф. Мировой образ Прометея // Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. С. 226-306.
20. Гадамер Г.Г. Прометей и трагедия культуры // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 242-255.
21. Миллер В.Ф. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1883. № 1. Ч. 225. С. 100-116.

Ailarova, Svetlana A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); aylarova54@mail.ru
IMAGES OF MODERNIZATION: ON THE WORKS BY SOSLAN (VANO) TEMIRKHANOV.

Keywords: *Ossetian intelligentsia, Soslan (Vano) Temirkhanov, Ira istori, mythology, Prometheus, work ethics.*

The article is the first attempt to analyze the intellectual heritage of the Ossetian educator Soslan (Vano) Temirkhanov (1881-1925), including works of different genres – stories, poems, essays, folklore and ethnographic publications, the historical work “Iry istori”. An important aspect of his work is being explored – views on the role of labor and economic creation for the successful development of post-reform Ossetia. The educator considers this problem through the prism of a thousand-year ethnic history full of wars, migrations, demographic catastrophes. The brilliant beginning of the Ossetian cultural history – the culture of the era of the end of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age (Koban archaeological culture) – demonstrated the perfection and beauty of forms. The reason for such a cultural upsurge is the cult of labor, characteristic of ancient Iranian mythology and culture in general. The arrival of Iranian-speaking nomads in the North Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans (the second component of the Ossetian ethnogenesis) – led to a change in culture, where military values and virtues began to prevail. The key to the success of the modernization of Ossetia, according to S. Temirkhanov, should be the actualization in the public consciousness of Ossetia of that part of ancient mythology that bears the cult of labor and economic creativity – epic tales that “encourage progress.” It is necessary to note the attempt to build a coherent history of Ossetia, linking together the various components of ethnogenesis, to emphasize the depth of the historical perspective of the Ossetian ethnos. The original is the reliance on mythology in understanding the historical process. The creative heritage of the enlightener is subordinated to the solution of the main problems of the modernization of Ossetia at the beginning of the 20th century – the acquisition by the people of historical self-consciousness and the formation of a new economic reality based on spiritual and cultural value labor and economic creation

References

1. Ailarova, S.A., Tebieva, L.T. *Kul'tura i khozyaistvo: vzglyad severokavkazskikh prosvetitelei (kon. 18–19 vv.)* [Culture and economy: the view of the North Caucasian enlighteners (end of the 18th–19th centuries)]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2008. 296 p.
2. Temirkhanty, Soslan. *Iry istori. Radzyrtæ, tauræg"tæ, arg"æuttæ, zardzhytæ, ocherktæ, fystædzhytæ* [Stories, poems, legends, songs, essays, research. Comp. by T.N. Sagutnova]. Dzæudzhikh"æu, Alanyston, 1994. 166 p. (in Ossetian)
3. Kokiev, G. *Ob odnoi fashistskoi fal'sifikatsii istorii osetin* [About one fascist falsification of the history of Ossetians]. *Istoricheskii zhurnal* [Historical journal]. 1944, no. 2-3, pp. 43-47.
4. Totoev, M.S. *Ocherki istorii kul'tury i obshchestvennoi mysli v Severnoi Osetii v nachale 20 v.* [Essays on the history of culture and social thought in North Ossetia at the beginning of the 20th century]. Ordzhonikidze, Ir, 1968. 288 p.
5. Kaloev, B.A. *Mozdokskie osetiny (istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Mozdok Ossetians (historical and ethnographic research)]. Moscow, 1995. 245 p.
6. Fidarova, R.Ya. *Etnicheskoe mirovozzrenie osetin (Irondzinad). Genesis. Struktura. Etapy razvitiya. V 4-kh kn.* [Ethnic outlook of the Ossetians (Irondzinad). Genesis. Structure. Stages of development. In 4 books]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2014, book 3. 398 p.
7. Kochieva, D.A. *Klyuchevoe slovo "Khuytsau" v semantike osetinskikh paremii* [The key word "Khuytsau" in the semantics of Ossetian proverbs]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2016, no. 3, pp. 57-64.
8. Tomaev, Sh. *Svoi trud posvyatil Milleru* [Dedicated his work to Miller]. Severnaya Osetiya [North Ossetia]. March 2, 2018.
9. Filimonov, G.D. *O doistoricheskoi kul'ture v Osetii* [About prehistoric culture in Ossetia]. Moscow, Tip. M.N. Lavrova i K., 1878. 8 p.
10. Uvarova, P.S. *Mogil'niki Severnogo Kavkaza* [Burial grounds of the North Caucasus]. *Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Materials on the archeology of the Caucasus, collected by expeditions of the Moscow Archaeological Society]. Moscow, Tip. A.I. Mamontova i K, 1900, iss. 8. 381 p.
11. Krupnov, E.I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1960. 532 p.
12. Tekhov, B.V. *Tsentrallyi Kavkaz v XVI-X vv. do n.e.* [Central Caucasus in the XVI-X centuries BC]. Moscow, Nauka, 1977. 239 p.
13. Tekhov, B.V. *Tainy drevnikh pogrebenii* [Mysteries of ancient burials]. Vladikavkaz, Proekt-press, 2002. 512 p.
14. Dudarev, S.L., Savenko, S.N. *K istoriografii fenomena "kobanskaya kul'tura"* [On the historiography of the phenomenon "Koban culture"]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Armavir State Pedagogical University]. 2019, no. 4, pp. 67-84.
15. Abaev, V.I. *Skifo-evropeiskie izoglossy: na styke Vostoka i Zapada* [Scythian-European isoglosses: at the junction of East and West]. Moscow, Nauka, 1965. 168 p.
16. Kasumova, F. *Sushchnost' i funktsii kul'turnogo geroya-demiurga v mifologii* [Essence and functions of the cultural demiurge hero in mythology]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo*

natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo [Proceedings of V. Vernadsky Taurida National University]. 2012, vol. 25(64), no. 3, part I, pp. 214-218.

17. Takazov, F.M. *Mifologicheskie arkhetypy modeli mira v osetinskoj kosmogonii* [Mythological archetypes of the world model in Ossetian cosmogony]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2014. 210 p.

18. Dzitstsoity, Yu.A. *Nartovskii epos i Amiraniani* [Nart epic and Amiraniani]. Tskhinval, Poligr. proiz. ob'ed-ie, 2003. 224 p.

19. Losev, A.F. *Mirovoi obraz Prometeya* [The world image of Prometheus]. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art]. Moscow, Iskusstvo, 1995, pp. 226-306.

20. Gadamer, G.G. *Prometei i tragediya kul'tury* [Prometheus and the Tragedy of Culture]. *Aktual'nost' prekrasnogo* [Actuality of the Beautiful]. Moscow, Iskusstvo, 1991, pp. 242-255.

21. Miller, Vs.F. *Kavkazskie predaniya o velikanakh, prikovannykh k goram* [Caucasian legends about giants chained to the mountains]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1883, no. 1, part 225, pp. 100-116.